

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ФЕОДАЛИЗМ В ЗАПАДНОМ СУДАНЕ В XVI—XIX ВВ. *

Истории Западного Судана посвящено немало специальных исследований, но все они, начиная с работы М. Делафосса¹ и кончая трудами Юрвуа по истории Борну², Руша по истории Сонгаи³ и, последней по времени, «Историей Африки» проф. Д. Вестерманна⁴, посвящены почти исключительно проблемам установления хронологии и политической истории. В этих исследованиях устанавливаются даты правления царей, история войн и завоеваний, но проблемы общественного строя почти совершенно не затрагиваются. Теперь, когда хронология исторических событий более или менее установлена, наступает время для выяснения важнейших вопросов истории развития общественного строя государств Западного Судана. В распоряжении исследователя помимо сообщений арабских историков, географов и путешественников имеются местные исторические хроники. Большие исторические хроники Сонгаи: Тарих эль Фетташ, составленная в XVI в., Тарих эс-Судан первой половины XVII в. и некоторые другие, как например, Теджкирет ен Насьян и Тарих эс-Сокото, написаны по-арабски. Хроники городов Хауса, а именно хроника Кано, хроника Зарри, Занфары и других городов написаны частью по-арабски, частью на языке хауса, исторические тексты, относящиеся преимущественно к XIX в., а именно произведения Османа дан Фодио и его преемников — на языках хауса, фуль и арабском и, наконец, иммунитетные грамоты — махрамы X—XVII вв., хроника султана Идрис Алума XVI в. — частью на арабском, частью на языке канури. Все они содержат ценнейшие данные по истории народов сонгаи, хауса и борну. К числу этих источников относятся также рукописи на языке хауса, подготовляемые в настоящее время к изданию Институтом этнографии Академии наук СССР.

Внимательное изучение всех этих материалов позволяет восстановить в общих чертах историю общественного строя средневековых государств Западного Судана⁵. Конечно, этого нельзя сделать с той полнотой, какая

* Настоящая статья (как и следующие три) представляет собой изложение доклада, прочитанного автором на координационном совещании советских африканистов, состоявшемся 26 февраля 1957 г. в Ин-те этнографии АН СССР в Москве.

¹ M. Delafosse, Haut-Sénégal — Niger (Soudan Français), тт. I—III, Paris, 1912.

² Y. Urvoy, Histoire de l'empire du Bornou, Paris, 1949.

³ J. Rouch, Les Songhay, Paris, 1954.

⁴ D. Westermann, Geschichte Afrikas. Staatenbildungen südlich der Sahara, Köln, 1952.

⁵ Надо заметить, впрочем, что все эти данные относятся главным образом к XV—XIX вв., поэтому характер общественных отношений древних государств Гана и Мелле на основании этих источников выяснить почти невозможно. Правда, по некоторым упоминаниям в хронике Тарих эль Фетташ можно заключить, что многие учреждения и порядки сонгайского государства были унаследованы от Мелле и представляют их дальнейшее развитие.

достигнута при исследовании феодальных отношений средневековой Европы, ибо некоторые стороны общественной жизни описаны в хрониках довольно подробно, тогда как о других нет никаких упоминаний. Так, например, мы осведомлены о положении рабов и зависимых групп населения, но ничего не знаем о положении свободных общинников-крестьян. Система административного управления сонгайского государства ясна, но остаются совершенно неизвестными система налогообложения и порядок взимания податей.

* * *

В XV в. во времена наибольшего могущества владык Сонгаи владения их простирались от верховьев Нигера до Буссы и от Сахары на севере до стран Бобо и Моси на юге. Границы этого государства, изображаемые обычно на исторических картах, весьма условны. Собственно говоря, основную часть страны составляли области в долине среднего течения р. Нигера. К северу от Нигера во владениях царей Сонгаи находились некоторые районы Сахары, где добывалась соль. Там, очевидно, были размещены только сонгайские гарнизоны. Страны, лежащие к югу, т. е. «страны неверных», являлись главным источником, откуда цари добывали рабов, которые играли большую роль в общественном производстве. Рабский труд применялся главным образом в земледелии. Об этом неоднократно упоминают хроники. Так, например, в Тарих эль Фетташ описываются владения царя Сонгаи Дауда: «Он имел земли во всех странах, находящихся под его властью: в Эрее, Денди, Калане, в Керее-Хауса и Керее-Гурма, во всех областях около Кукия и Гао, в Докиссу, с одной стороны, до острова Бамба и Бенга, — с другой, затем от Атерема до Кинги и от Бунио до оз. Дебо». В каждой из деревень в этих странах аския имел рабов и надсмотрщиков — *фанфа*. «Под начальством некоторых фанфа находилось 100 рабов, обрабатывавших землю, другие имели 60, 50, 40, и 20 рабов». Рассказывая дальше об одном из доверенных лиц аския, автор хроники продолжает: «Один человек, которому я доверяю, рассказывал мне, что аския имел в провинции Денди поместье, называемое Абда, и в нем было 200 рабов и 4 фанфа, которые находились под властью начальника по имени Миссакульаллаха. С этого поместья получали до 1000 сунну риса. Таково было установленное количество, и оно не могло быть ни увеличено, ни уменьшено»⁶.

Большим числом рабов владели также духовные лица. О размерах их владений мы можем судить по приводимому в хронике случаю с одним из виднейших представителей духовенства Мохаммедом бен Кассимом. Когда войска марроканцев приблизились к Тимбукту, то шерифу Мохаммеду было предложено покинуть страну, охваченную войной.

«Сразу же шериф известил всех своих рабов зенджей, находящихся в Кеусе, где он имел в это время 70 хижин, находящихся в Коину, которые занимали тогда 40 хижин, платящих каждая ежегодно 3 тыс. мер зерна; находящихся в Таутала, где было 65 хижин и подать которых составляла один тюк сушеной рыбы с каждой хижины раз в три месяца; находящихся в Гума, где было 72 хижины, ежегодные повинности которых состояли одних в починке лодок, других в дани слоновой костью; находящихся в Анганда, — 30 хижин, ежегодная подать которых состояла в одном тюке сушеной рыбы с каждого мужчины; наконец, находящихся в Думбу, где было 20 хижин, которые были обязаны поставлять гребцов для переправы. Когда они были приведены, шериф приказал им всем покинуть страну».

⁶ «Tarikh el-Fettach» par Mahmoud Kâti, Paris, 1913. Другие примеры см.: D. O. I. der ogge, Die Gesellschaftsordnung Sohghais im 15 und 16 Jahrhundert, «Afrikanistische Studien», Deutsche Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1955, стр. 243—251.

Весьма важны указания, что рабов раздавали вместе с землей. Так, например, аския Дауд, убивший случайно шерифа Мохаммеда бен Музавира, желая загладить свою вину, обратился к брату покойного и спросил, как может он возместить кровь его брата. «Мы предпочитаем рабов», — ответил тот. Аския дал ему три группы зенджей по 200 человек с землями в разных частях страны.

Рабы эти, посаженные на землю, выплачивали ренту натурой, и положение их мало чем отличалось от положения крепостных.

В рабовладельческом и феодальном обществе различие классов, как указывал Ленин, фиксировалось и в *сословном* делении населения⁷. За каждым классом определялось особое юридическое место, поэтому классы рабовладельческого и феодального общества были также и особыми сословиями, или классами-сословиями. Таким классом-сословием и были эти рабы, посаженные на землю. Цари Сонгаи, захватывая рабов и расселяя их по своей стране, издавали указы, запрещающие браки с рабами. Таким образом, поселенные в данной местности рабы обособлялись от окружающего населения. Хроника рассказывает, что во времена царей Мелле, т. е. еще задолго до расцвета Сонгаи, мужчинам, принадлежавшим к этим «племенам» рабов, было запрещено жениться вне своих групп. Они могли вступать в брак лишь при условии получения 40 тыс. каури, которые передавались в семью невесты. Эти деньги были как бы брачным выкупом, даваемым царем родителям невесты, чтобы, как говорит хроника, «воспрепятствовать женщине и ее детям получить свободу и тем самым сохранить их во владении царя Мелле».

Итак, положение этих групп населения закреплялось особыми указами, приводившими к эндогамии. А так как каждая из этих групп обязана была выполнять определенные работы не только земледельческого характера, то создавались касты специалистов, находившихся на положении париев.

Такого рода порядки сложились, по-видимому, еще в государстве Мелле. Так, известно, что после победы аския эль-Хадж Мохаммеда в его владения перешли все земли от Канта до Сибиридугу, и он стал владыкой 24 племен, состоявших из рабов побежденного им царя. Хроника перечисляет эти «племена» (кабила, как они называются по-арабски), хотя, конечно, ни одно из них не имеет ничего общего с племенем в этнографическом понимании этого слова. Во времена царей Мелле, рассказывает автор хроники, племена эти были обязаны ежегодной повинностью в 40 локтей с каждой семьи. Очевидно, так определялось количество зерна, получаемого с участка земли этого размера. Первоначально рабы были объединены по группам в 100 человек мужчин и женщин, и каждой группе было отведено по 200 локтей земли. Рабов собирали под звуки барабана и флейт, и они обрабатывали землю, «испуская крики под барабанный бой, как это делают земледельцы». С наступлением жатвы царь делил собранный урожай между своими солдатами. Если продуктов оказывалось недостаточно, рабов наказывали. Порядок изменился в начале XVI в., т. е. со времени аския Мохаммеда. Были установлены определенные размеры натуральной ренты. Кроме того, аския отбирал среди этих «племен» некоторое количество детей, чтобы в обмен на них получить себе лошадей для конных отрядов.

Некоторые «племена» несли особые виды повинностей. Так, например, племя джиндикета, что означает на языке мандинго «косари», во времена царей Мелле обязано было заготавливать корм для лошадей. Аския Мохаммед изменил их повинности. Отныне взрослые люди этого «племени» обязаны были делать лодки, а молодежь привлекалась для несения службы в качестве конюхов при царской коннице. Другое «племя» — зенджи обязано было поставлять сушеную рыбу, причем были установлены

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 97, примечание.

нормы поставки в тюках. Подать взималась ежегодно во время спада воды в реке. Кроме того, зенджи были обязаны по требованию правителя области давать гребцов и лодки для переправы. «Племя» арби, что по-сонгайски означает «черный», поставляло слуг царю, его родным и домашним. Юноши сопровождали царя, составляя его вооруженную свиту, девушки несли службу при царских женах. Эта группа находилась в привилегированном положении и не несла никаких натуральных повинностей. Однако члены этой группы считались рабами.

«Племена» дьям тене, дьям уали, соробанна и саматсеко были кастами кузнецов. Они обязаны были поставлять по 100 копий и по 100 стрел с каждой семьи ежегодно.

Все эти «племена» находились в ведении аскии. Иногда цари Сонгаи раздавали их своим приближенным. Так, одному из мусульманских шейхов, Мохаммеду Туле, аския Мохаммед предоставил несколько таких «племен»: «Все, что простирается от земли Исса-Кейна до местности Ка, будет твоим владением, О, Салих Дьявара и вы, другие, будьте свидетелями». Эта область населена тремя племенами, которые были собственностью царя: племя хаддаданке с длинными волосами, племя фалан и племя, состоящее из белла куку, курка и сареи, все они потомки зенджей. Затем он сказал: О, Мохаммед Туле, я даю тебе лучшее, что есть в стране,— область, населенную тремя племенами, которые будут твоей собственностью: «племенем зенджей, племенем соробанна и племенем дьям уали». Очевидно, все эти «племена» были расселены по всему государству Сонгаи и жили среди свободного населения страны. К сожалению, о положении свободных общинников ничего не известно, так как хроники не упоминают о них.

Свободные общинники и посаженные на землю рабы составляли большинство населения страны. Население городов было невелико, хотя в стране были довольно крупные по тому времени города, как, например, Гао, Тимбукту. По некоторым данным можно заключить, что население Гао в период до марокканского нашествия составляло около 75 тыс. человек. Города были средоточием торговли и ремесла. По сообщениям хроник, в Тимбукту в начале XVI в. было 26 домов *тинди* (так назывались дома, в которых работали портные). В каждом таком доме было до 50 учеников, а в некоторых из них до 70 и даже до 100. Это показывает размеры ремесла, рассчитанного, очевидно, на сбыт. О развитии торговли в государстве Сонгаи сообщают почти все арабские путешественники, вплоть до Льва Африканского. Все они были купцами и поэтому отмечали все то, что относилось к торговле. Ибн Батута с удивлением отметил в своих записках полную безопасность торговых путей на всем протяжении страны.

Огромные массы рабов, посаженных на землю, были постоянной потенциальной угрозой государству. Действительно, в критический момент истории Сонгаи, когда в страну вторглись марокканские войска и армия царей Сонгаи была разбита, по всей стране вспыхнули восстания. Одно из таких «племен» или, точнее, зависимых групп населения — дьогорани, или заграни,— приняло участие в восстании немедленно после победы марокканцев. Дьогорани опустошили страны Бара и Дирма, а в октябре 1591 г. они попытались овладеть городом Тимбукту, но были отбиты. В 1593 г., соединившись с туарегами, они разграбили всю страну от Гао до Дженне. Еще до нашествия марокканцев они нападали на население Масины, и один из царей этой страны, Канта, погиб в битве с ними. Восстания дьогорани продолжались в течение всего смутного времени, последовавшего за появлением марокканцев в Судане. Известно, что в 1652 г., т. е. сто лет спустя, дьогорани, санхаджи и туареги были разбиты одним из марокканских кайдов Мостафа.

Что представляли собою дьогорани? Можно ли их безоговорочно считать рабами, как они были названы нами выше? Вопрос этот довольно сложный. Наблюдения этнографов и изучение обычного права показали,

что у всех народов Судана строго различаются рабы, захваченные на войне, и рабы, рожденные в хозяйстве рабовладельца. Самый термин «дьогорани», содержащий основу *dyo* («раб»), — мандингского происхождения.

Мандинги различали несколько категорий рабов. Раб вообще назывался *dyo*. Раб, только что захваченный на войне и не бывший до этого времени рабом, назывался *dyo-ndu-ntā*, т. е. «раб без очага». Раб, купленный на рынке, — *dyo-mfyeri-ta* — «раб продажи». Положение этих категорий рабов было почти одинаково. Они представляли собою рабов в обычном понимании этого слова, т. е. их можно было продавать, дарить, словом, с ними обращались, как с вещью. Так как раб стоил дорого, его берегли, в особенности если он хорошо работал. В небогатом хозяйстве раб входил в семью хозяина, участвовал в совместной обработке полей, имел свою хижину и свою семью. Обычно браки рабов заключал сам рабовладелец, заинтересованный в том, чтобы в хозяйстве было больше рабочей силы. Дети рабов, однако, уже не являлись рабами в полном смысле этого слова. Это уже не «рабы» *dyo*, но *wolo-so-u*, т. е. «рожденные в доме». Их нельзя было продавать, и положение их улучшалось с каждым поколением. В следующем поколении они уже назывались *te-bege-nke-u* — «не вполне сравнявшиеся». Дети их, в свою очередь, уже называются *da-sigi-da-la-u* — «находящиеся при общем горшке». Наконец, дети этих последних уже считались вполне свободными, но оставались связанными с семьей хозяина особой зависимостью⁸.

Судя по этнографическим данным, совершенно так же обстояло дело и у сонгаев в XIX в. Рабы, захваченные во время набегов или купленные на рынке, назывались: *banua* («раб») и *kopo* («рабыня»). Дети их уже — *kogso*, внуки — *sule*, правнуки — *sule-hule*, а дети этих последних считались совершенно свободными, но составляли как бы группу зависимых лиц — клиентов в семье владельца поместья. По существу, они представляли собою что-то вроде арендаторов, которые сидели на земле своих хозяев и продолжали платить им определенную часть урожая.

Все эти градации между рабством, крепостничеством и каким-то видом полусвободы потомков рабов характерны не только для государств средневекового Судана, но и для средневековой Европы. Положение министериалов, латов, литов, альдиев Лангобардской Италии, мансионариев, *fiscalini* и т. д. и т. д. представляет, по существу, нередко столь сложную гамму переходов, про которую очень хорошо сказал М. М. Ковалевский, что все эти категории свободы, полусвободы и несвободы окончательно сливаются в общей форме крепостничества⁹. Так обстояло дело во всех государствах Западного Судана, не только в государствах Мелле и Сонгаи, но, как потом увидим, и в государствах Хауса, султанатах Сокото и Ганду и в государстве Борну.

По сообщению Лабуре, римайбе, соответствующие упомянутым выше дьогорани во Французской Западной Африке в 1908 г., обязаны были уплачивать своим хозяевам, на земле которых они сидели, следующие виды податей и повинностей чисто феодального характера: 1) *dyegom* или *dyagobé*, т. е. земельную ренту, составлявшую одну шестую часть урожая; 2) *dyamgal* — подушную подать, состоявшую из 216 кг неочищенного риса с каждого мужчины и 108 кг с женщины; 3) кроме того, они были обязаны работать на полях или в доме землевладельца. К сожалению, нет сведений о количестве дней, которые римайбе отрабатывали на помещика.

⁸ H. Labouret, *Le Servage — étape entre l'esclavage et la liberté en Afrique Occidentale*, «*Afrikanistische Studien*», Deutsche Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1955, стр. 147—153. См. также: M. Delafosse, *La langue mandingue*, т. II, Paris, 1955.

⁹ М. М. Ковалевский, *Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства*, т. I, М., 1898; т. II, 1900; т. III, 1903. См. также: А. И. Неусыгин, *Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв.*, М., 1956; Ф. Я. Полянский, *Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма*, М., 1954.

Эти условия сохраняются и по настоящее время. Французская колониальная администрация уничтожила только подушную подать, вносимую римайбе своим помещикам, так как она являлась, с точки зрения французского законодательства, выражением личной зависимости. Во всем остальном права помещиков-феодалов были сохранены и было лишь оговорено, что земельная рента не уплачивается в том случае, если дети римайбе служат в доме помещика¹⁰.

* * *

Изучение истории народов Хауса показывает, что в странах к востоку от Сонгаи, где находились большие города-государства — Кано, Кацина, Гобер, Зария и др., существовали аналогичные порядки.

История стран Хауса до XVI в. по существу неизвестна. Из случайного упоминания у Ибн Батуты мы узнаем, что в середине XIV в. город Гобер вел торговлю с южными странами, населенными «язычниками». Большое значение в этой торговле имела медь. Лев Африканский, посетивший эти страны в начале XVI в., описывает благосостояние городов Хауса и сообщает, что в его время в Судане господствовали два языка. На языке сонгаи говорили в Тимбукту, Дженне, Мелле и Гао. К востоку от них говорили на языке гобер, который был языком городов-государств Кано, Кацины, Зарии и др. Это показывает, что уже в XVI в. во всех странах Хауса был распространен один язык, т. е. уже существовало известное единство культуры.

По-видимому, уже в это время общественный строй государств Хауса в основе своей был феодальным. Большое развитие получили торговля и ремесла. Город Кано был центром производства тканей для всего Западного Судана от оз. Чад вплоть до Тимбукту. Цари Кано и других городов вели постоянные войны, захватывая добычу и увозя в плен рабов, которых поселяли на своих землях подобно тому, как цари Сонгаи расселяли рабские «племена» в своих владениях.

В истории народа хауса на рубеже XVIII—XIX вв. большую роль сыграли фульбе, поднявшие под руководством шейха Османа дан Фодио восстание против царей государств Хауса.

Обычно история восстания Османа дан Фодио, приведшего к установлению господства фульбской феодальной знати, исследователями истории Судана сводится к борьбе двух народов — хауса и фульбе. Так, например, Д. Вестерманн в своей книге «История Африки» пишет, что возвышение фульбе — не что иное, как выражение древнего противоречия кочевников и оседлых земледельцев. Пастухи, по его словам, чувствуя свое превосходство над неграми хауса в политическом отношении, не могли вынести, что те считают себя их господами. Не менее существенной причиной, по мнению Д. Вестерманна, было «стремление кочевников фульбе присвоить себе богатства язычников и за их счет создать себе удобную жизнь, хотя лично у Османа дан Фодио подобные материальные побуждения отсутствовали и он был одушевлен чисто религиозной идеей очищения ислама»¹¹. Другой исследователь, Смит, также рассматривает борьбу в странах Хауса в начале XIX в. только как столкновение двух народов — фульбе и хауса и подчеркивает религиозный характер движения. Он отмечает, что в среде фульбе ко времени восстания было немало лиц, живших в городах и занимавших высокие должности. «Занимая руководящее положение в государствах Хауса, они были в состоянии довольно легко изменить прежний общественный порядок и низложить и изгнать прежних царей Хауса»¹².

¹⁰ Н. Labouret, Указ. раб.

¹¹ D. Westermann, Указ. раб.

¹² M. G. Smith, The Economy of Hausa Communities of Zaria, 1955.

Нет необходимости приводить другие примеры. В зарубежной литературе распространен до сих пор взгляд, что восстание Османа дан Фодио — дело чисто религиозный характер и этому проповеднику удалось разжечь анатизм фульбе и поднять кочевников на оседлых земледельцев хауса.

На мой взгляд, подобная трактовка движения Османа дан Фодио является грубым упрощением. В действительности ко времени восстания фульбе давно уже существовали классовые различия, и на борьбу с прежним общественным строем поднялась, прежде всего, беднейшая часть фульбе. В хрониках прямо говорится, что многие знатные фульбе отказались примкнуть к движению. По-видимому, они примкнули к Осману дан Фодио много позднее, когда исход борьбы уже определился.

В восстании против прежнего общественного порядка принимали участие также и хауса, на что никто до сих пор не обращал внимания. Между тем в хрониках на это встречаются прямые указания. Не случайно, что в разных источниках мы находим упоминания о талакава, т. е. бедняках-крестьянах, которые вместе с фульбе изгоняли царей городов Хауса. С самого начала восстание это было борьбой угнетенных низов со знатью хаусацких городов.

Выгодами победы, одержанной над представителями старых общественных порядков — хаусанской знатью и торговцами, воспользовались те талакава и бедняки фульбе, которые составляли основную массу восставших, а родовая знать фульбе, соратники Османа дан Фодио из числа его ближайших родственников. Сам Осман дан Фодио по своему происхождению принадлежал к родовой знати и, естественно, не ставил перед собой задачи установления нового общественного строя. Получив в свои руки огромные земельные угодья и богатства, Осман дан Фодио и его ближайшие приверженцы начали раздачу земельных угодий. Большую часть земель захватывал тот военачальник, который завоевывал страну, и он распределял поместья среди окружавшей его знати. Так складывалась довольно сложная система типично феодальных владений.

Общественный строй государства Сокото и всех входивших в его состав полусамостоятельных государств Хауса, в том виде, в каком он сложился после восстания Османа дан Фодио, характеризуется наличием двух основных классов — класса феодалов и класса крепостных.

Класс феодалов имел различные градации. Верхушку его составляли «царские дети» (*уап sarki*) — лица, входившие в состав царской семьи или так или иначе связанные с нею родственными узами. Группу «царских детей» составили представители родоплеменной знати фульбе, которые принимали участие в восстании. После победы они обеспечили себе привилегированное положение, получили поместья и титулы.

Нижнюю группу класса феодалов составляли «слуги» (*bagori*) — лица, вышедшие из среды рядовых дружинников. Они состояли при «царских детях», были их ближайшими помощниками и клиентами. После завоевания они, так же как и «царские дети», получили земельные наделы и титулы.

Крупнейшим из феодалов был, конечно, сам царь, носивший титул *sarkin musulmi*. Ему подчинены были правители подвластных государств: Кацины, Кано, Контагоры, Заззау, Адамауа, Баучи и др. Все эти правители, которых часто называют арабским титулом эмиров, в действительности имели титул царей — *sarkin katsina*, *sarkin kano*, *sarkin zazzaui* и т. д., т. е. носили титулы свергнутых ими царей Хауса.

Особенность системы ленных владений в странах Хауса заключалась в том, что владение земельными угодьями было непосредственно связано с получением определенного титула. Система эта существовала, по-видимому, еще в государствах Хауса и была унаследована фульбской знатью. Это следует из того, что вся феодальная титулатура имеет хаусанское происхождение. При дворах царей постоянно шла борьба за обладание титулами между соперничающими группами феодалов, каждая из кото-

рых стремилась получить утверждение своего кандидата при дворе султанов Сокото.

Обычно султаны Сокото после смерти царя передавали власть представителю другой группы феодалов с тем, чтобы воспрепятствовать передаче власти по наследству.

В своем поместье феодал был полным хозяином и распоряжался по своему усмотрению жизнью и смертью всех зависимых от него людей. Феодал имел право использовать население при обработке своих полей, постройке своих домов и дворцов, сооружении и починке мечетей, поддержанию в порядке дорог, переправ и т. п. Местное население обязано было, кроме того, нести и другие натуральные повинности. Феодал удерживал в свою пользу одну десятую часть урожая. Кроме того, он имел право на получение Gallan gona. У него также было право юрисдикции в своих поместьях, и, соответственно с этим, он взимал с населения судебные штрафы в свою пользу. Наконец, немалым источником доходов феодала были сафка, т. е. дары (уплачиваемые в определенном количестве каури), приносимые крестьянами (талакава) и рабами, отпущенными на оброк тигги, в знак их зависимости. Феодал пользовался правом продажи должностей, что также являлось источником дохода. Помимо всего, феодал устраивал на своих землях рабские поселки румада¹³.

Итак, мы видим, что в феодальном поместье в странах Хауса в XIX в. одновременно существовали все три вида феодальной ренты: отработочная, натуральная и денежная.

Как было сказано, с каждым титулом были связаны определенные земельные владения. Эти земельные владения имели характер условного держания и соответствовали вполне ленам средневековой Европы или иктаа мусульманского востока. На языке хауса эти земельные владения особого названия не имели. Их называли попросту garí «город», «селение», а земельные пожалования, связанные с обладанием титула, назывались garigwan sarauta, т. е. «города царской власти».

Распределяя между феодальной знатью земельные пожалования, цари, чтобы не допустить образования крупных феодальных владений в одном районе, предоставляли феодалам лены в различных областях страны. Другим проявлением недоверия царей к своим феодалам был своеобразный обычай, запрещавший им удаляться в свои поместья. Феодалы постоянно жили при дворе, а управление ленами осуществлялось через особых лиц — jakadai («посланцев»).

Предоставляя феодалу поместья, цари давали их вместе со всем их населением — свободными общинниками (талакава). Феодал обязан был прежде всего верностью царю, от которого он получил свой лен. В обязанности его входило также являться с военным отрядом по требованию царя и следить за правильным поступлением податей со своих земель в царскую казну.

Класс крестьян имел сложный по своему происхождению состав. Основу его составляли лично свободные крестьяне — талакава (talakawa), обрабатывавшие свои земли и жившие большими патриархальными общинами. Процесс закрепощения свободных общинников начался, безусловно, задолго до восстания Османа дан Фодно. Участие талакава в восстании, направленном против хаусанской знати, очевидно, было вызвано их тяжелым положением и зависимостью от помещиков. После фульбского завоевания талакава попали в не менее тяжелые условия и превратились в крепостных в поместьях новой феодальной знати. Этим объясняются многочисленные восстания, вспыхнувшие во всех частях государства Сокото вскоре после установления господства фульбской знати.

Другую группу класса крепостных составляли чученава (сисенава) — потомки рабов, жившие на землях феодалов. В отличие от рабов

¹³ О порядках, существовавших в эмирате Зариа, см. М. G. Smith, Указ. раб.

захваченных на войне или купленных на рынке, чученава были рабами, рожденными в хозяйстве феодала-рабовладельца, и имели известные права личной свободы. Их нельзя было продавать и покупать. Положение чученава почти не отличалось от положения крепостных. Рабское происхождение чученава сказывалось преимущественно в области семейно-брачных отношений, так как по сравнению с талакава, т. е. со свободными людьми, чученава составляли низшую группу, браки с которыми считались нежелательными. Различие сказывалось также в том, что талакава сидели на лично принадлежащих им землях, в то время как чученава жили на землях своих господ. Поэтому чученава в любое время могли быть согнаны с земли. Не следует, однако, преувеличивать значение этого различия, так как сравнивать положение чученава с безземельным крестьянином западноевропейского средневековья или с положением безземельного фермера в капиталистическом обществе нельзя. В условиях Африки XIX в. при крайне незначительной плотности населения и наличии большого количества неосвоенных земель сгонять чученава с обработанных земель помещику было невыгодно. Так поступали лишь в случаях прямого неповиновения чученава. Согнанные с земли чученава легко находили себе приют у другого феодала, могли уйти на незанятые земли в районы Баучи, Качины и т. п., и тогда, расчистив новые лесные участки, приобретали право владения. Нередко при перемене владельца, обычно в случае смерти феодала, рабы и чученава уходили из поместья. Надо учитывать также, что положение свободных крестьян талакава, теоретически имевших право на землю своих предков, мало чем отличалось от положения чученава, так как практически они могли быть в любое время согнаны со своих земель. Предполагать, что талакава могли протестовать, основываясь на своих, по выражению Щедрина, «якобы правах», — наивно. История государства Сокото показывает, что феодалы фульбе, стремясь пополнить людские резервы для обработки своих земель и не желая предпринимать походов за рабами в далекие страны, опустошали поместья своих соседей, обращая в рабов как лично свободных талакава, так и другие категории зависимых людей. Если так поступали феодалы в отношении своих знатных собратьев, то можно предположить, что они позволяли себе по отношению к простым людям, бывшим практически почти бесправными.

Наряду с двумя основными классами феодального общества существовали еще другие классы, и среди них в первую очередь следует упомянуть рабов (*baiwa*), к числу которых относились люди, захваченные на войне или во время набегов за рабами, рабы, купленные на рынке, и рабы, полученные по наследству.

Вопрос о рабстве далеко не так ясен, как это казалось многим исследователям, писавшим о рабстве в странах Западного Судана. Обычно основными источниками для них служили сообщения путешественников, побывавших в Судане, которые рассказывали о широком распространении рабского труда. Однако надо иметь в виду, что путешественники XIX в., начиная с Денхама, Клаппертона и Ландера, вплоть до Штаудингера и Пассарге, не знали местных языков и не особенно интересовались общественным строем изучаемых ими стран. Различные категории зависимости они принимали за состояние рабства. Нередко они причисляли к рабам не только несвободное население, но также и крепостных крестьян, обязанных выполнять работы на своих помещиков. Недостатком всех сообщений путешественников XIX в. было смешение рабов с чученава, которые, в сущности, находились на положении сервов средневековой Европы. Положение сервов зачастую было сходным и с положением талакава, постепенно закрепощавшихся свободных общинников. Таким образом, только точное разграничение различных категорий зависимости даст нам возможность понять структуру феодального общества Хауса и многих других государств Судана.

Рабский труд широко применялся не только в земледелии, но и в ремесленном производстве в городах. Денхам и Клаппертон, посетившие Кано в 1825 г., сообщают, что больше половины жителей города Кано составляют рабы. Барт, посетивший Кано в 1855 г., пишет: «Число рабов очень значительно, но я не думаю, чтобы оно равнялось числу свободных и во всяком случае оно не превышало его»¹⁴.

Численность населения главнейших городов Хауса была довольно значительна. В XVI в., по сообщениям одной из сонгайских хроник, люди Кано поспорили с людьми Гао — столицы государства Сонгаи — о том, какой из этих городов больше. Численность населения Гао, по данным подсчетов хроники, можно определить в 75 тыс. человек, и, очевидно, примерно такова же была численность населения Кано. По сообщению Барта, население г. Кано составляло около 30 тыс. человек, а по данным Клаппертона — 30—40 тыс. человек. Штаудингер в 80-х годах прошлого века насчитывал в Кано 60—80 тыс. человек. В Кацине, по словам Барта, насчитывалось некогда около 100 тыс. человек, в г. Зария — около 80—100 тыс. человек. О размерах городов Хауса можно судить по тому, что стены Кано в XIX в. имели 14 ворот, общая длина стен составляла 15 англ. миль, высота — 7—8 м, а главные ворота имели 20 м высоты. Стены г. Кацина имели в длину до 14 англ. миль.

Города были центрами торговли и ремесленного производства. Торговля составляла основное занятие значительного числа горожан. Хауса различают торговлю на рынке *chiniki* и торговлю *fatauci*. Первая находится в руках женщин и состоит в продаже съестных припасов и изделий домашнего ремесла — калebas, глиняной посуды и т. п. Она не является профессиональным занятием и служит подспорьем в крестьянском хозяйстве. Напротив, *фатаучи* — занятие лиц, посвятивших себя торговле. В городах жило немало купцов *fatake*, ведших торговлю с другими городами и странами. Они доставляли товары в города, закупаая их в одной части страны и продавая в другой. Богатые купцы на свои средства снаряжали караваны в далекие страны, что требовало больших расходов. Для организации караванов в далекие страны юга и запада требовалось наличие специальных вооруженных отрядов, и подобные караваны походили на военные экспедиции. Возможно, что крупные купцы были одновременно крупными феодалами. Однако несомненно, что часть *фатаке* составляли особый класс торговцев, живущий исключительно на доходы от торговли.

Наконец, в городах было немало ремесленников, работавших на рынок: кузнецов, ткачей, ювелиров, кожевников и красильщиков. Не все они были рабами или чуженава, занимавшимися обработкой сырья в больших мануфактурах, принадлежавших богатым людям. Несомненно, часть их составляли талакава. Однако о положении свободных ремесленников мы почти ничего не знаем.

Кроме вышеперечисленных классов, в странах Хауса были еще особые группы населения, жившие обособленно и ведшие натуральное хозяйство в условиях первобытно-общинного строя. К их числу относились, прежде всего, некоторые племена фульбе.

Фульбе в странах Хауса составляли три группы. В первую группу входили *filanin gida* («фульбе домашние»), т. е. фульбе, осевшие среди хаусанского населения. Часть их жила в городах и находилась на службе хаусанских царей. *Filanin daji* («фульбе саванн») составляли вторую группу. Это были кочевые племена. Они со своими стадами крупного рогатого скота кочевали по саванне вдали от городов, и часть их до наших дней сохранила доисламские верования. Эту группу фульбе иногда называют *вогогоji* («фульбе бороро»), т. е. фульбе скотоводы.

¹⁴ H. Barth, Reisen und Entdeckungen in Nord- und Zentral-Africa in den Jahren 1849 bis 1855, Gotha, 1859, стр. 292.

Наконец, третью группу составляли *agwai* — фульбе, занимавшиеся скотоводством, но одновременно с этим обрабатывавшие поля. Эти полуседлые фульбе мало чем отличались от крестьян хауса.

В восстании Османа дан Фоджо, по всей вероятности, принимали участие фульбе всех трех групп. Однако плодами победы воспользовалась родовая знать, которая и составила класс крупных феодалов. Другая часть фульбе — военачальники, духовенство и т. п. также получили поместья и превратились в мелких помещиков-феодалов. Наконец, рядовые фульбе составили класс талакава. Исключением были лишь кочевые фульбе саванн. Они продолжали кочевать со своими стадами вдали от городских центров, появляясь на городских рынках для продажи продуктов скотоводческого хозяйства и для закупки соли и других нужных им товаров. Положение родовой знати этой группы фульбе было сходно с положением мелких феодалов. Несомненно, в среде кочевых фульбе также шел процесс расслоения, но о нем мы ничего не знаем. В хрониках того времени кочевники фульбе упоминаются лишь как фульбе-язычники, или фульбе, часть которых — мусульмане, часть — язычники.

Кроме того, в странах Хауса были районы, населенные «язычниками». Это были либо племена, говорившие на языках, не родственных языку хауса, как, например, многие племена района Бенуе и гор. Баучи; либо группы хауса, не принявшие ислам и сохранившие свои прежние анимистические воззрения и культ предков. Мусульмане хауса называли эти племена *maguzawa* (тагузава). Племена, выразившие свою покорность фульбе, сохранили на условиях подчинения местным феодалам свои земли. В обмен на покровительство и защиту эти племена были обложены данью. Так, например, в Зарии они должны были ежегодно вносить определенное количество мешков каури (по 20 тыс. каури в каждом) и, кроме того, поставлять рабов. Так же обстояло дело и в провинции Адамауа, где, по свидетельству Барта, некоторые племена обязаны были поставлять продукты земледелия феодалам.

С экономической точки зрения, хозяйство этих племен составляло особый уклад в феодальном обществе хауса. Племена эти сохраняли первобытно-общинные порядки, но, вероятно, понемногу втягивались в экономическую жизнь страны. Однако в XIX в. процесс этот был очень незначительным. Об этом можно судить по этнографическим описаниям Мика, изучавшего многие из этих племен в начале XX в. Вожди племен представляли собою независимых царьков, сохранивших на своих землях права управления своими подданными. Большинство из них были выборными и в своей деятельности были ограничены родовыми советами.

Племена, не выразившие покорности и оставшиеся независимыми, находились на положении язычников и, с точки зрения правителей государства Сокото, представляли собою потенциальный источник добычи рабов. В эти области направлялись военные экспедиции.

Феодальные порядки государства Хауса аналогичны общественному устройству государства Борну. К сожалению, о феодальных порядках этого древнего государства, возникшего, по-видимому, еще в X в., мы осведомлены гораздо хуже, чем о Сонгаи и Хауса. Основным источником наших знаний остаются, в сущности, сообщения путешественников и этнографов второй половины XIX и начала XX в. В это время в Борну, по свидетельству Дуисбурга, было три класса-сословия. Основное население — канури и жившие на севере страны арабы шоа относились к числу лично свободных крестьян. К числу свободных, или *kambé*, принадлежали и все отпущенные или выкупленные на свободу рабы, а также дети от браков лиц свободного состояния с рабынями, в том случае, если они были признаны отцами. Другую группу населения составляли рабы — *kaŋa*, к которым относились все иноземцы, захваченные во время набегов, купленные и подаренные. Наконец, третью группу составляли *zusaŋpa* — все рожденные в Борну потомки рабов. Их нередко называют крепостными. Они со-

ставляли значительную часть крестьянства, и обычно из их среды набирались войска¹⁵.

Таким образом, и в Борну существовали те же градации свободного, полусвободного и несвободного состояния, которые мы видели в государствах Хауса и Сонгаи. Отсутствие исторических хроник, подобных сонгайским, не дает возможности выяснить историю развития феодальных отношений в Борну. Иммуниетные грамоты — махрамы содержат упоминания о повинностях, освобождение от которых даруется феодалам. Цари Борну освобождают своих феодалов за особые услуги от несения воинской службы, от выполнения разного рода натуральных повинностей, вроде поставки лошадей или зерна, от выплаты различных налогов, от поставки людей для работ в сухое время года, от поставки продуктов для проезжих чиновников и царских родственников¹⁶. Так как древнейшие из махромов относятся к XI в., можно предполагать, что феодальные отношения в Борну сложились гораздо раньше, чем в государствах Хауса. Многие черты организации феодального управления городов-государств Хауса указывают на несомненное влияние более древнего могущественного государства Борну. Подобным же образом феодальные порядки государства отражают влияние более древнего государства Мелле, которое в свою очередь, вероятно, находилось под влиянием древней культуры государства Гана.

¹⁵ Дуисбург указывает только на эксплуатируемые классы, ничего не говоря о классе феодалов. См. A. Duisburg, *Zur Geschichte der Sultanate Bornu und Wadala*, «Anthropos», т. 27, 1932, е го же, *Im Lande der Cheghu von Bornu*, Berlin, 1942.

¹⁶ R. C. Palmer, *Sudanese Memoirs*, I—III, Lagos, 1922—1928.